

О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

Е. В. Рахилина, В. А. Плунгян

1. Типология и лексика

В настоящее время типологическое изучение систем языковых значений понимается в первую очередь как грамматическая типология, т. е. описание принципов распределения и совмещения в языках мира грамматических значений. О лексических системах в связи с типологической проблематикой говорить пока, в общем, не принято, и такая ситуация обусловлена целым комплексом причин.

Во-первых, как отдельные грамматические противопоставления, так и их системы в языках непосредственно наблюдаемы, потому что обслужены специальными грамматическими показателями именных и глагольных категорий (таких как число, падеж, детерминация, аспект, наклонение, эвиденциальность, залог и т. п.). Лексические же противопоставления (т. е. противопоставления отдельных семантических компонентов лексического значения) не имеют специальных формальных показателей, так что обнаружить их в языке, тем более в неизвестном исследователю языке, значительно труднее.

Вторая причина связана с первой. Поверхностные показатели в грамматике дают наглядную идею системы, причем системы, сопоставимой с такими же в других языках, тогда как яркое разнообразие лексических единиц заставляет лексикографов — причем даже тех, кто безусловно признает системность лексики, — говорить об индивидуальной «истории» слов [Виноградов 1999] или «портретах» отдельных лексических единиц [Апресян 1990; 1992]. Что касается лингвистов, априори не склонных видеть в лексике сколько-нибудь системную или регулярную область, то они и вовсе часто настаивают на принципиальной несопоставимости индивидуальных семантических свойств разных лексем; как утверждалось в книге [Di Sciullo, Williams 1987], посвященной проблемам описания структуры слова в рамках генеративной модели, словарь — это «вещь чрезвычайно скучная; ⟨...⟩ он как тюрьма: в нем только нарушители» (см. подробнее о генезисе таких точек зрения в обзоре [Рахилина 1998]). Впрочем, для некоторых (очень ограниченных) групп слов традиционно делается исключение — по крайней мере со времен классической работы [Hjelmslev 1957] признанными областями системных исследований в лексике являются имена родства и местоимения (иногда также некоторые другие группы «конкретной» лексики: глаголы движения, например). Но эти исключения только подтверждают общее правило: дело в том, что данные группы слов представляют собой

редкие примеры однотипных регулярных (а часто и формально выраженных) противопоставлений в лексической зоне, на что и было обращено внимание Ельмслевым. Неудивительно, что именно эти классы лексики служат постоянным источником примеров для разделов о «системности лексики» в учебниках семантики при обсуждении «семантических полей» и метода компонентного анализа (ср., например, [Лайонз 1995: 122—132; Кобозева 2000: 107—115; Кронгауз 2001: 157—168]). Вопрос же о системности лексики за пределами этих групп, похоже, до сих пор остается открытым.

Между тем в последнее время внимание специалистов по конкретным языкам всё больше привлекает лексика именно как сложно организованная система — в первую очередь, конечно, в ее взаимодействии с грамматикой, но не только.

Прежде всего к этой группе следует отнести многочисленные работы по теории грамматикализации, одним из ключевых интересов которой, как известно, является поиск возможных диахронических лексических источников грамматических показателей (подробнее о работах этого направления и о проблематике теории грамматикализации в связи с отечественной традицией см. [Майсак 2000; 2005]). Такая постановка задачи некоторым образом вовлекает лексику в круг явлений, системная природа которых считается доказанной, но, несмотря на большое количество интересных фактов, касающихся организации отдельных фрагментов лексических систем в разных языках и их диахронической эволюции (ср., например, [Heine, Kuteva 2002]), в работах по теории грамматикализации опять-таки представлен взгляд на лексику через призму грамматики. В них отобрана только «интересная» для грамматики лексика (части тела, базовые глаголы движения, бытия и обладания и т. п.); что касается лексических единиц как таковых — и тем более системных, типологически релевантных отношений между ними — то они, как правило, предметом специального рассмотрения не становятся¹. Не случайно поэтому в рамках теории грамматикализации достаточно много написано о самых «абстрактных» глаголах движения типа 'идти', 'приходить' и 'уходить', в массовом порядке эволюционирующих в разнообразные грамматические показатели; значительно меньше — о глаголах типа 'подниматься' или 'возвращаться', грамматикализация которых засвидетельствована реже; однако более специфические по своей семантике глаголы перемещения (и, между прочим, в их числе глаголы со значением 'плыть'!) не будут представлять интерес для этого направления — просто потому, что такие глаголы никогда не превращаются в грамматические показатели.

Грамматическая составляющая преобладает и в тех типологических работах, которые изучают лексические особенности слов, отраженные в их грамматическом по-

¹ Существуют, конечно, и сопоставительные исследования лексики и лексической полисемии в чисто диахроническом плане, которые так или иначе затрагивают проблему системной организации отдельных лексических групп (ср., например, [Blank 1993] или [Koch 2001]; из отечественных работ последнего времени отметим монографию [Дыбо 1996] о названиях частей тела и статью [Анна Зализняк 2001] о проекте сопоставительного изучения семантических переходов в языках мира); однако нас в данном случае интересуют прежде всего проблемы синхронного описания лексических систем.

ведении. К их числу относится, например, интересное исследование [Botne 2003] об аспектуальных свойствах глаголов со значением 'умирать' в разных языках мира. Речь в нем идет не о способе членения соответствующего семантического поля смерти, т. е., так сказать, не о видах смерти, которые различает лексически тот или иной язык (ср. в русск. *умер, погиб, утонул, разбился* и др.), а о степени стативности / динамичности, которую проявляют в своем поведении разные представители этой группы глаголов². Нередко исследователей привлекают синтаксические свойства компактных групп лексики в типологическом аспекте (ср., например, сборник [Newman 1997] о глаголах со значением 'да[ва]ть', а также подход, представленный в [Givón 2001] и других работах этого автора). Конечно, синтаксические свойства лексем в значительной степени обусловлены их семантикой, и для их описания требуется подробный семантический анализ. Проблема в том, что подход к семантике через синтаксис применим далеко не ко всем группам лексики; самым «удобным» классом для этой задачи являются глаголы с почти всегда эксплицитно выраженной валентной структурой. К описанию предметной или адъективной лексики непосредственно применить такую стратегию уже труднее. Но и глагольная семантика не полностью отражается в синтаксисе — поэтому не вся она и вскрывается через анализ синтаксического поведения лексемы. Например, русские глаголы, описывающие различные способы движения (*летать, плавать, ползать* и т. п.), имеют практически тождественные синтаксические свойства, но семантически различаются очень сильно, а значит, различаются и с точки зрения лексической типологии. Наконец, сопоставлению могут подвергаться такие лексические особенности, которые связаны с аффиксальным выражением (т. е. относятся скорее к словообразовательной, чем к лексической типологии); примером такого рода исследований может служить очень интересная по материалу статья [Plank 2005].

К типологическим исследованиям, выполненным в рамках теории грамматикализации, непосредственно примыкают немногочисленные попытки более специально описать типологию метафорических переносов для отдельных групп лексики — ср., например, уже упоминавшийся сборник [Newman 1997], а также развивающий этот подход на материале глаголов позиции [Newman 2002] или сборник [Harkins, Wierzbicka 2001], посвященный семантике эмоций. Ведь закрепленные в языке метафоры отражают не (или не только) синхронные процессы и синхронные ассоциативные связи говорящих — они фиксируют предыдущее состояние языка. В частности, метафоры могут быть, вообще говоря, образованы и от тех значений слов, которые в современном языке уже утрачены. Примером может служить и русский глагол *плавать*: соответствующий эффект, связанный со смещением значения этого глаго-

² Мы специально отметили именно эту работу, потому что она достаточно оригинальна по постановке задачи: в центре внимания исследователя находится всё-таки одна глагольная лексема, хотя и преимущественно в связи с ее грамматическими свойствами. Но, вообще говоря, исследование грамматических свойств различных групп лексем в современной типологии широко распространено, особенно в аспектуальной типологии в связи с проблематикой «акциональных» (или «аспектуальных») классов глаголов: со времен классических работ Ю. С. Маслова и З. Вендлера на эту тему написано чрезвычайно много.

ла от пассивного к активному, описан в настоящем сборнике. В этом смысле работы, изучающие типологию метафор — без апелляции к системе прямых значений, — с некоторой точки зрения можно относить к диахроническим. Конечно, таких работ пока слишком мало, чтобы оценивать их вклад в типологию, однако с теоретической точки зрения решаемая в них задача достаточно близка лексико-типологической: она дает возможность «реконструкции» семантики слова через его метафорику³.

Помимо этого, конечно, имеется большая и длительная традиция сравнительной, или контрастивной, лексикологии — в России она представлена, например, известными работами В. Г. Гака [1966; 1988]. Работы этого направления рассматривают лексику языка как часть его системы в целом. Говорят, например, что лексика одного языка (в исследовании В. Г. Гака — главным образом французского) является более абстрактной, или, что то же самое, менее «классифицирующей», чем лексика другого (например, русского). Часто даются количественные или иные оценки целых пластов лексики: например, в одном языке оказывается больше элементарных цветообозначений, чем в другом, или все мореходные термины языка X оказываются заимствованиями из языка Y. Особым направлением в сравнительной лексикологии с отчетливо «грамматическим» уклоном является исследование того, как лексика разных языков распределяется по частям речи (или «грамматическим классам») — таких работ достаточно много, в их числе известные статьи [Dixon 1982] и [Lehmann 1990]. Внешне сравнительная лексикология действительно ориентирована на типологию (прежде всего квантитативную) — но всё-таки не на задачу глубокого сопоставительного семантического анализа отдельных групп лексики.

Говоря о контрастивной лексикологии, мы сознательно исключаем из рассмотрения очень большой массив работ, в которых производится сопоставление одной или нескольких лексических групп в двух — как родственных, так и неродственных — языках или в которых анализ группы лексем одного языка содержит спорадические апелляции к данным какого-то другого языка. Сказанное не означает, что работы такого типа не интересны для лексико-семантической типологии как она понимается в данной книге: напротив, в них может содержаться много ценных именно с типологической точки зрения наблюдений (ср., например, проницательное сопоставление словацкого *rezat'* и русского *резать* в [Дюрович 2000]), однако по постановке задачи эти работы далеки от типологии в собственном смысле. Заметим, что не случайно для лексической типологии зачастую особенно ценными оказываются именно данные близкородственных языков, дающие возможность учесть варьирование тонких и многообразных семантических параметров; ср. обсуждение этой проблемы в общетипологическом контексте в [Kibrik 1998; Кибрик 2003] и применительно к задачам лексической типологии в [Рахилина, Прокофьева 2004].

³ Правда, сопоставительные исследования такого плана, касающиеся лексики, часто ориентированы в большей степени на выявление «культурных стереотипов» — вслед за А. Вежбицкой, такие работы которой, как [Wierzbicka 1991 и 1992], породили целое направление исследований, популярное в первую очередь в России: ср., например, [Шмелев 2002; Анна Зализняк и др. 2005]. Это задача более далекая от собственно типологии.

Вместе с тем считается, что задача типологического описания лексики еще в 1960-е гг. была совершенно корректно решена по крайней мере для одного компактного семантического поля — поля цветообозначений. Речь идет об известном исследовании [Berlin, Kay 1969] и многих последующих работах, развивающих или критикующих предложенный этими авторами подход (о современном состоянии этих исследований см. [MacLaury 1997; Hardin, Maffi 1997]; ср. также [Фрумкина 1997]). Но проблема заключается в том, что семантика цвета — пример не вполне показательный. Действительно, если согласиться с существующей традицией, она устроена иначе, чем семантика любого другого лексического поля. Традиция, напомним, состоит в том, что каждое цветообозначение является семантически элементарной единицей, непосредственно входящей в некоторый универсальный набор лексических значений, подмножеством которого считаются конкретно-языковые системы цветообозначений, т. е. картина здесь похожа скорее на ту, которая характерна для грамматических значений и принципиально отличается от той, которая более естественна для лексических. Невозможно даже представить себе смысл, напоминающий, например, ‘сомневаться’ или ‘сообщить’ в качестве простейшего неразложимого параметра, организующего поле в той же степени, как ‘белый’ или ‘черный’ организуют поле цвета. В «обычных» семантических полях отдельные параметры, как уже было сказано, не имеют прямых лексических соответствий: они являются частью толкований и сложным образом встраиваются в семантику реальных лексем.

Как видим, по отношению к задаче лексико-семантической типологии в точном смысле все имеющиеся исследования пока носят ограниченный характер: нам не известно ни одного, в котором описание лексических систем разных языков велось бы под единым углом зрения, по единому плану, с тем чтобы результаты описания отдельных языков оказались бы сопоставимы в целом и можно было бы делать обобщения и прогнозы для всего семантического поля⁴. В этом отношении хорошим методологическим ориентиром могли бы стать грамматические исследования Петербургской типологической школы — например, работы по типологии каузатива, результатива, императива и др., такие как [Холодович (ред.) 1969; Недеялков (ред.) 1983; Храковский (ред.) 1992] и многие другие. Именно таков был замысел настоящего исследования типологии глаголов способа движения в воде.

Нерешенной, таким образом, оказывается задача, предполагающая значительно более пристальное изучение семантики отдельных лексических единиц в языках мира и их семантических противопоставлений — ориентированная на поиск *параметров вариативности* языков в самых разных лексических зонах.

Обсудим, какие имеются средства решения этой задачи.

⁴ Может быть, единственным исключением следует считать остроумные и пронизательные этюды шведского лингвиста Оке Виберга о глаголах восприятия [Viberg 1984; 1993; 2001 и др.], по постановке задачи значительно опередившие свое время, но оставшиеся в каком-то смысле изолированными и эскизными. Нельзя не упомянуть в этом ряду и широко известных работ Л. Талми, посвященных типологии способов выражения в составе глагольной лексики различных параметров ситуации движения [Talmy 1975; 2000b].

2. Научный инструментарий лексической типологии

Если сравнить лексическую типологию с наиболее успешным и быстро развивающимся направлением типологических исследований — типологией грамматических значений, нельзя не отметить, что яркие достижения грамматической типологии 1980-х гг. (работы Дж. Байби, Т. Гивона, Э. Даля, Р. Диксона, А. Е. Кибрика, Б. Комри и др.) были обеспечены успехами грамматической теории середины XX в. Здесь бесспорна роль основоположников общей теории грамматики — Р. О. Якобсона, Э. Сепира, Э. Бенвениста, Дж. Гринберга, но также и грамматистов, оставивших (как, например, О. Есперсен или А. В. Исаченко) подробные описания отдельных языков, соответствовавшие уровню передовой лингвистики того времени.

Что касается специалистов по лексической типологии, то они, в свою очередь, уже могут опираться на опыт типологов-грамматистов — например, в области составления анкет, а возможно, и семантических карт. Другой мощный инструмент развития лексической типологии появился совсем недавно, и связан с компьютеризацией лингвистических исследований — это электронные корпуса текстов. Действительно, если для грамматических исследований языка (в особенности редкого языка в полевых условиях) может быть на первоначальном этапе достаточно небольшого числа текстов, собранных вручную, то для изучения сочетаемости лексики любого языка нужны корпуса текстов в тысячи и даже сотни тысяч раз бóльшие: частотность неслужебных лексем по понятным причинам много меньше, чем частотность грамматических показателей. Так, по данным Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), глагол *плыть* встречается около 5 тыс. раз приблизительно на 120 млн словоупотреблений; для сравнения — не самая частотная граммема императива 2 л. множ. числа в тех же текстах встречается около 200 тыс. раз. Конечно, корпуса текстов пока созданы далеко не для всех языков мира, но это состояние будет быстро меняться к лучшему; принципиально важно другое: на сегодняшний день уже есть средства наблюдения над поведением лексики.

Одни такие средства, без теории значения слова и без опыта его описания, немногого стоят: нужен не просто корпус текстов, нужно знать, какую информацию о слове и как в нем искать. Но и опыт описания слов, и опыт создания семантической теории тоже есть: в распоряжении типологов имеются работы Ч. Филлмора, А. Вежбицкой, Б. Левин, Дж. Тейлора, Д. Даути и многих других — одновременно теоретиков и практиков лексической семантики. Наконец, есть Московская семантическая школа, с ее многообразным опытом практического приложения лингвистической семантики к данным конкретного языка, вплоть до создания словарей нового типа.

Таким образом, можно считать, что мы умеем описывать семантику лексики отдельного языка — даже в сопоставлении с другими языками. Но это еще не типология. Возвращаясь к грамматике, вспомним, что ключевым моментом для осознания типологической задачи в этой области стало понятие универсального грамматического набора⁵ как набора универсальных грамматических значений, реализацией

⁵ В другой терминологии: «универсальное меню» (К. Чвани), «библиотека смыслов» (А. А. Холодович); подробнее см. [Чвани 1998; Плунгян 1997; 2000: 233—238].

определенного подмножества которого является грамматическая система каждого языка. (В свою очередь, теория грамматики разрабатывала идею универсального набора, во многом опираясь на опыт фонетической типологии.) По-видимому, должен существовать и универсальный лексический набор, состоящий из универсальных лексических значений; см. обсуждение этого вопроса, в частности, в [Goddard 2001] (ср. также ниже, раздел 3.1).

Заметим, что в языках довольно много пересечений между лексической и грамматической зонами: скажем, значение количества представлено в обеих (ср., например, показатель единственного числа и числительные со значением 'один'). Хорошо известно и то, что эти зоны связаны диахронически: процесс грамматикализации позволяет лексическим значениям превращаться в грамматические. Однако можно с уверенностью утверждать, что универсальный грамматический набор не совпадает с лексическим: есть смыслы, которые всегда выражаются в языке только лексически и никогда не грамматизируются (в качестве примера обычно приводят цветообозначения; к ним можно добавить обозначения температуры, обозначения артефактов и природных объектов и многие другие; ср. [Talmy 2000a; Bybee 1985]).

Естественный вопрос, который возникает в связи с проблемой универсального лексического набора, следующий: как элементы этого набора соотносятся с лексикой конкретных языков? Иначе говоря, входят ли в этот набор сами слова?

Поскольку современная семантика моложе современной грамматики не менее чем на полвека, вариантов ответа на этот вопрос не так много; мы предлагаем рассмотреть следующие три авторитетные точки зрения.

3. Об универсальном лексическом наборе

3.1. А. Вежбицкая и К. Годдард

Мнение этих исследователей (в качестве последней на сегодняшний день версии их подхода см. [Goddard, Wierzbicka 2002]) тем более интересно, что они практически единственные в мире, кто специально занимается общими вопросами теории лексико-семантической типологии — причем среди этих вопросов одним из главных они считают как раз отношение между словами и языковыми значениями. Их точка зрения по этой проблеме такова: всякое языковое значение во всяком языке может быть описано средствами самого этого языка, так что более сложные в смысловом отношении языковые единицы всегда можно перифразировать (т. е. истолковать) с помощью более простых слов того же языка с точным сохранением смысла. В свою очередь, эти более простые смыслы можно свести к еще более простым — и так далее. Каждый естественный язык, считают А. Вежбицкая и К. Годдард, имеет уменьшаемое лексическое ядро, состоящее из слов с, так сказать, простейшими значениями (семантических примитивов), с помощью которого можно выразить любой смысл. В теории А. Вежбицкой и К. Годдарда это ядро называется NSM — *natural semantic metalanguage*, в переводе на русский, *естественный семантический мета-*

язык (ЕСМ). Оно, по сути дела, и является в этой теории искомым универсальным лексическим набором: утверждается, что имеется значительная общность между лексическим составом ЕСМ разных языков, т. е. что все или почти все семантические примитивы — слова естественного языка, входящие в ЕСМ, — универсальны.

Теория А. Вежбицкой и К. Годдарда имеет в виду три важных теоретических положения, каждое из которых неоднократно оспаривалось и даже опровергалось.

Первое касается принципиальной возможности точного перифразирования. А. Вежбицкая и К. Годдард исходят из того, что такая возможность существует, поскольку в их теории смысл слова исчерпывающе и адекватно выражается толкованием этого слова с помощью других слов из ЕСМ. Как кажется, здесь роль толкования как полезного рабочего инструмента экспликации лексического значения несколько идеализируется. Лексикографическая практика заставляет принять более скептическую позицию. В частности, можно считать, что итогом многолетней работы группы Ю. Д. Апресяна над синонимическим словарем русского языка [НОСС 2004] является не только сам словарь, но и демонстрация того, что в естественном языке по существу нет полных синонимов; значение каждой языковой единицы — будь то морфема, лексема, конструкция или целое предложение — настолько индивидуально, что приравнять их друг к другу, как правило, невозможно без какой-то потери в точности. Отсюда следует, что в естественном языке ни одно языковое выражение в каком-то смысле не проще и не сложнее другого. Конечно, значение лексем естественного языка, вообще говоря, можно представить в виде «расчлененного» текста, но этим текстом будет не точная перифраза, составленная из других (с точки зрения А. Вежбицкой и К. Годдарда — более элементарных) лексем того же языка, а пространное описание, отражающее особенности употребления и культурные ассоциации, связанные с данным словом; при этом лексикограф должен отдавать себе отчет, что такое описание всё равно не будет исчерпывающим.

Второе спорное положение связано с первым и касается семантической тождественности лексических единиц, входящих в ЕСМ, в разных языках. Другими словами, верно ли, что русское слово *хотеть* и английское слово *want*, русское *часть* и английское *part* и под. действительно значат одно и то же? Из общих соображений следует, что ответ на этот вопрос должен быть отрицательным: ведь, по сути дела, русское *хотеть* и английское *want* являются такими же квазисинонимами с сугубо индивидуальными свойствами, как, например, русские *хотеть* и *желать*. Убедительное доказательство этого представлено в исследовании Ю. Д. Апресяна [1994; 1995] именно на примере *want* и *хотеть*: показано, что семантически эти слова не тождественны друг другу, а значит, семантически неэлементарны. Следовательно, в том смысле, в котором употребляют этот термин А. Вежбицкая и К. Годдард, эти слова не являются семантическими примитивами.

Наконец, третье положение (может быть, не такое важное на фоне первых двух) связано с составом ЕСМ (сейчас это около 60 слов). Верно ли, что выбор этих лексем совершенно оправдан? Сомнения вызывает, в частности, тот факт, что многие примитивы из английского списка А. Вежбицкой и К. Годдарда не имеют однословных эквивалентов в других языках или вообще с трудом могут быть переведены

(как, например, *something, feel* или *happen*). Создатели ЕСМ отдают себе отчет в этой проблеме и активно обсуждают ее, но предлагаемые ими решения не всегда кажутся убедительными (подробнее см. также [Апресян 1994; Плуноян, Рахилина 1996; Lander 2005]).

3.2. Ю. Д. Апресян

Точка зрения Ю. Д. Апресяна [1994] по этому вопросу родилась в полемике с А. Вежицкой и во многом противоположна только что разобранным. Ю. Д. Апресян считает, что универсальными будут не смыслы целых лексем, а невербализуемые части смыслов лексем, которые повторяются в языках. Эти элементарные смыслы он предлагает называть *кварками* (термин, который используется для обозначения неделимых элементарных частиц в физике). В споре с А. Вежицкой Ю. Д. Апресян опирался на собственный лексикографический опыт, в том числе по описанию синонимов русского [Апресян 1974] и английского языков [Апресян 1979]. И хотя в каждом случае это был опыт моноязыкового описания лексики, сама по себе работа над синонимическим словарем близка по своей сути к семантико-типологическим исследованиям: она тоже нацелена на поиск параметров лексической вариативности, только не межъязыковых, а действующих внутри семантического поля одного языка.

Как уже было сказано, материал, представленный Ю. Д. Апресяном, убедительно свидетельствует, что лексические единицы, претендующие на вхождение в ЕСМ, семантически членимы и действительно содержат более элементарные (но не выражаемые лексически) смыслы, так что сама по себе идея кварков как элементов универсального набора для лексико-семантической типологии кажется привлекательной. К сожалению, имеющиеся примеры кварков ('стативность', частеречные характеристики) пока слишком немногочисленны и поэтому недостаточны, чтобы стать базой для дальнейших исследований. Это совершенно понятно, потому что обнаружение кварков является не целью, а, так сказать, побочным теоретическим результатом той описательной работы, на которую направлена деятельность группы Ю. Д. Апресяна.

Типологические исследования, расширяющие материал сопоставляемой лексики (и как бы добавляющие новые квазисинонимы в рассматриваемую семантическую группу), дают больше шансов обнаружить систему параметров, по которым противопоставляются отдельные лексические группы. С нашей точки зрения, именно такие параметры вариативности оказываются наиболее близки к понятию кварка.

3.3. Ч. Филлмор

Отдельный вопрос — действительно ли именно кварки составляют универсальный лексический набор. Пока это вопрос почти риторический, потому что нет или практически нет конкретных типологических описаний, на которые можно опереться при его решении. Тем не менее ясно, что на начальном этапе лексико-типологического исследования пользоваться кварками невозможно — они не могут быть, на-

пример, основой типологической анкеты уже потому, что заранее неизвестен их состав. Кварки выделяются только как результат лингвистического исследования, а не как его база.

Тогда что же может служить базой? И здесь мы предлагаем опираться на идею Ч. Филлмора о том, что «языковое сознание структурируют простые фреймы, в которых однозначно и некоторым типичным образом распределены роли и функции участников ситуации» [Fillmore, Kay 1992]. Ч. Филлмор называет такие фреймы *конструкциями* и строит теорию Грамматики конструкций, ориентированную не только на подробное описание лексики одного языка, но и на типологические исследования⁶. Этот подход во многом близок тому, который используется в грамматической типологии для выявления элементов «универсального грамматического набора», или того, что Э. Даль и Дж. Байби называют «cross-linguistic gram types» [Dahl 1985; Vybee, Dahl 1989].

Фреймы-конструкции хорошо соотносятся с задачей построения лексико-типологических анкет⁷. Если мы, например, изучаем типологию глаголов вращения, нам нужно прежде всего выявить типы ситуаций, которые в принципе могли бы различаться в языках мира. Их поиск предполагает изучение как раз ролей и функций участников в случае вращения (вращающийся объект, ориентир, ось вращения и под.) Например, флюгер, карусель, волчок, колесо похожи друг на друга тем, что вращаются вокруг своей оси — в отличие, например, от Луны, движущейся вокруг Земли, или лодки, огибающей остров. Водопроводный кран тоже поворачивается вокруг своей оси, но он не способен, как флюгер или колесо, сделать подряд много оборотов: для него, так же как и для ключа в замке, более естественно совершать при вращении только часть полного оборота. В принципе, точно так же движется корпус человека, которого кто-то окликнул (соответствует русскому *обернулся*), но движения живых существ, и прежде всего человека, в антропоцентричной картине мира должны рассматриваться отдельно от движения предметов: кран или ключ кто-то поворачивает, человек обычно движется сам, причем его движение может быть как контролируемым, так и спонтанным (ср. *обернулся* — спонтанно или сознательно; *не обернулся* — скорее сознательно).

Легко видеть, что такого рода анализ выявляет как раз те самые когнитивно релевантные простые фреймы, о которых говорил Ч. Филлмор. С другой стороны, они

⁶ В частности, проект семантико-синтаксической разметки электронных корпусов текстов FrameNet, руководителем которого является Ч. Филлмор, создается сразу для нескольких языков (помимо английского, это испанский, японский и ряд других).

⁷ Интересен в этом отношении подход группы М. Бауэрман в Институте психолингвистики им. М. Планка (Неймеген, Нидерланды). Исследователи, работающие в рамках этого подхода, сопоставляют лексические системы разных языков, предъявляя информантам визуальные стимулы (изображения, видеоклипы и т. п.), соответствующие изучаемым ситуациям (например, разрушения объекта, как в [Bowerman et al. 2004]). Но зрительный ряд, в отличие от лингвистического фрейма, сам по себе не содержит дискретных характеристик изображаемого события. Поэтому психолингвистический подход, представленный в работах М. Бауэрман и ее коллег, как кажется, очень хорошо иллюстрирует лексические различия между языками, но вряд ли может быть использован для построения полной лексической типологии, нацеленной на поиск максимального числа параметров варьирования.

могут быть противопоставлены в языках лексически (и действительно различаются даже в близкородственных языках, ср. подробнее о глаголах вращения в русском и польском в статье [Рахилина, Прокофьева 2004]) и должны предьявляться носителям исследуемых языков как часть лексико-типологической анкеты по глаголам вращения. Такая анкета обязательно должна различать вращение объектов вокруг своей оси, неполный оборот, вращение вокруг независимого ориентира, а также вращательные движения человека разного рода: неполный оборот корпуса (как в *обернулся*); вращение сидя (*вертится на стуле*); вращение лежа (*ворочался на кровати*), вращение в движении (*кружатся танцующие пары*) и некоторые другие типы ситуаций. По-видимому, именно они создают естественный универсальный набор, востребованный в лексической типологии. Понятно, что он должен быть уточнен, тщательно выверен по языкам, должны быть выявлены сложные системы вращения, т. е. системы с максимальным числом противопоставлений, и простые системы вращения, с минимальным числом противопоставлений, а заодно определены возможности и границы синкретичного способа выражения (совмещения) ситуаций одной лексемой.

Одновременно анализ типов ситуаций выявляет *параметры* варьирования процесса вращения с точки зрения языковых картин мира разных языков. Например, по нашему представлению, значимой для лексики окажется скорость вращения, так что найдутся языки, в которых будут различаться ситуации с очень быстрым, закручивающим вращательным движением (как в случае с вихрем или воронкой воды) и медленным, достаточно равномерным, хорошо различимым зрительно — как движение колеса обозрения. Такие параметры по сути своей очень близки кваркам Ю. Д. Апресяна, но лишены идеи атомарности, потому что возникают не логически — как (теоретически) неразложимые части толкований, а, наоборот, как параметры варьирования, релевантные для лексики одного или группы языков.

Надо сказать, что идея атомарности вообще крайне чужда филлморской Грамматике конструкций. Дело в том, что эта теория предлагает отказаться от автономности компонентов значения: все свойства языковой единицы, как поверхностные, так и глубинные, связаны друг с другом, потому что они определяются семантикой одной и той же конструкции. Конструкция в смысле Ч. Филлмора чем-то похожа в этом отношении на форму для отлива металлических деталей или выпечки пирогов: всё, что в нее вложено, определяется ею и только ею, а отдельные фрагменты складываются в единое целое. В частности, и все элементы толкования языковой единицы, с такой точки зрения, не независимы друг от друга. Тип ситуации или простой фрейм всегда оказывается «гештальтом», т. е. пучком связанных между собой свойств (подробнее см., например, [Lakoff 1987]). Так, быстрое вращение обязательно означает вращение вокруг своей оси, причем на много оборотов подряд. Наоборот, вращение вокруг внешнего ориентира будет скорее медленное — но не наоборот, и т. д. Раз элементы толкования связаны, элементы универсального набора в принципе не могут быть атомарны. Поэтому типологи, сторонники Грамматики конструкций, прямо говорят о том, что для контрастивных исследований атомарные семантические примитивы не обязательны [Croft 2001]; собствен-

но, эта же концепция лежит в основе контрастивных исследований самого Филлмора — ср. статью [Atkins, Fillmore 2000], выполненную на английском и французском материале.

В целом такая точка зрения на основания лексической типологии кажется очень привлекательной. Единственным ее недостатком является, пожалуй, недостаток практического лексико-типологического языкового материала. Поэтому хотелось бы здесь дополнить изложение двумя примерами из наших исследований.

4. Пример 1: глаголы позиции

В работе [Рахилина 1998] (см. также [Рахилина 2000]) был дан анализ семантики русского позиционного глагола *сидеть*, из которого следовало, что этот глагол передает идею закрепленного положения предмета в пространстве. Она проявляется, в частности, в избирательной сочетаемости этого глагола с одушевленными и в особенности с неодушевленными субъектами. Так, *сидеть* применимо только к тем предметам, которые закреплены в пространстве: *пробка в бутылке, топор на топорнице, морковь в земле, гвоздь в стене* и проч. Выяснилось, однако, что если рассматривать материал русского языка не сам по себе, а в типологической перспективе — пусть даже на фоне одного нидерландского языка — такое описание следует считать не полным и не точным.

Действительно, в нидерландском, как и в русском (в отличие, кстати, от многих других языков), глагол со значением ‘сидеть’ (*zitten*), т. е. глагол, описывающий характерное «сложенное» положение человека в пространстве, применим к неодушевленным предметам — причем, как и в русском, тоже к таким, которые закреплены в пространстве. Любопытно, что все перечисленные выше русские контексты «подходят» для нидерландского *zitten*. В то же время круг употреблений *zitten* гораздо шире, чем русского *сидеть*; например, этот глагол применим к бородавке (на лбу), часам на запястье, кольцу на пальце, носку на ноге, ноге в носке, термометру под мышкой и др. (подробнее см. [Lemmens 2002]).

Тщательный анализ этих и других примеров показывает, что *zitten* может употребляться в двух типах контекстов. Первый тип подразумевает плотный контакт с поверхностью (такие случаи, как подкова на копыте, пластырь на руке, пуговицы на пальто, нос на голове и т. д.); второй тип описывает ситуацию контакта содержимого и некоторого контейнера. Для русского *сидеть* приемлем только второй тип контекстов, но в этом случае контакт должен быть гораздо плотнее: русское *сидеть* на самом деле описывает не контакт объекта с контейнером, а непосредственный плотный контакт объекта с объемлющей его средой. Именно среда, т. е. земля, фиксирует положение луковицы или морковки; то же происходит с гвоздем в стене (но не винтом, который обычно вставляется в заранее заготовленное отверстие: ср. ^{??} *винт сидит в стене*, возможное, как и следует ожидать, в нидерландском для глагола *zitten*). В случае же с топором или пробкой контакт объекта с контейнером настолько плотный, что пробку приходится вытаскивать штопором, а топор вбивать в

топорище — эти случаи практически неотличимы от тех, где происходит взаимодействие со средой (подробнее см. [Лемменс, Рахилина 2003]).

Таким образом, выясняется, что идея закрепленного положения в пространстве релевантна и для русского, и для нидерландского языков. Однако более точная формулировка семантического правила для русского говорит о том, что закрепленность в пространстве обеспечивается взаимодействием объекта с плотно объемлющей его средой, тогда как в нидерландском это могут быть отношения содержимого и контейнера или поверхности и плотно прикрепленного к ней предмета.

Параметр плотного контакта, выделяющий русский на фоне нидерландского, оказывается очень интересен и в типологической перспективе. Например, он оказывается релевантным для описания семантической специфики корейского глагола *kkita* 'надевать; вставлять, всовывать'. Этот факт был обнаружен при сопоставлении данного глагола с его английскими эквивалентами *put in / on*: так, согласно [Bowerman, Choi 2003], *kkita* употребляется для описания ситуаций типа 'надеть кольцо на палец / колпачок на ручку', 'вдеть пуговицу в петлю', 'вставить кассету в проигрыватель / кусочек мозаики на свое место в картину', 'задвинуть ящик в комод' и т. п. — но не ситуаций типа 'положить яблоко в миску / книгу в сумку' и т. п. Тем самым употребление *kkita* возможно только в тех случаях, когда контейнер плотно охватывает объект; больше всего это напоминает условия употребления нидерландского *zitten* (хотя для более точных утверждений требуются, конечно, дальнейшие исследования).

С другой стороны, параметр плотного контакта оказывается важен и для описания грамматической семантики ряда показателей. Впервые его важность была отмечена в исследованиях по падежным системам дагестанских языков — ср. [Кибрик 1977] для арчинского языка, опыт типологического исследования дагестанского склонения [Тестелец 1980] и недавнюю обобщающую работу [Ганенков 2005]. В этих работах выделяется особая локализация КОНТ (свойственная прежде всего цезским и лезгинским языкам), которая выражает разные виды плотного контакта, в том числе и между контейнером и содержимым. Интересно, что семантически близкий тип взаимодействия можно усматривать и в русском втором предложном падеже, который в современном русском языке сохраняется в основном в тех конструкциях, которые описывают, в частности, «ситуацию плотного, интенсивного контакта при котором (...) позиция объекта оказывается жестко детерминирована» [Плунгян 2002: 251]. Это наблюдение свидетельствует о том, что универсальный грамматический набор и набор универсальных лексических параметров могут иметь нетривиальные общие семантические элементы.

5. Пример 2: температурные прилагательные

Второй пример касается контрастного исследования зоны температурных значений в русском и шведском языках (см. [Копчевская-Тамм, Рахилина 1999]); для простоты изложения ограничимся здесь значениями высоких температур.

В русском и шведском имеется по два прилагательных, обслуживающих эту часть температурного спектра: соответственно, *теплый* и *горячий*⁸ — *varm* и *het*. Общее распределение их кажется, на первый взгляд, совершенно одинаковым, а именно: прилагательные *теплый* и *varm* описывают «нижние» значения высоких температур (теплая вода в море, теплые батареи, теплая [= нагретая солнцем] скамейка и проч.), тогда как *горячий* и *het* описывают «высокие» значения высоких температур (горячий утюг, чайник, плита и проч.). В то же время при ближайшем рассмотрении обнаруживаются значительные расхождения в сочетаемости внутри этих пар. Так, краны в ванной (и, соответственно, вода, которая из них течет) по-русски называются *холодным* и *горячим*, тогда как по-шведски — холодный противопоставлен *varm*, а не *het*, как ожидалось бы, если бы соблюдалось тождество значений русских и шведских температурных прилагательных. Аналогично в русском принято говорить (и пить) *горячий чай*, а в шведском напиток той же температуры описывается как *varm*, а не *het*. С другой стороны, очень часто употребление переводных эквивалентов в русском и шведском не означает тождества ситуаций: температура батареи, которую в шведском назвали бы прилагательным *varm*, гораздо выше той, которая в русском названа *теплой*.

Причина, как мы уже говорили, не в денотативной сфере (потому что шведскую и русскую реальность и культурный фон можно считать очень похожими), а в значениях прилагательных и тех параметров, которые их противопоставляют. Для русского важна температура человеческого тела: всё, что сопоставимо с температурой человеческого тела, определяется как *теплое*, а всё, что выше, — как *горячее*⁹. Понятно, что параметр температуры человеческого тела чрезвычайно значим для русской системы — достаточно сказать, что русское *горячий* описывает только тактильную температуру, определяемую на ощупь, кожей (прежде всего рук, ступней, полостью рта); нетактильные значения высокой температуры, как мы уже говорили, описываются в русском прилагательным *жаркий* (см. сноску 8). Тактильность фактически есть сопоставление температуры предмета с температурой человеческого тела.

Для шведского важнейшим параметром (тоже, как и в русском, антропоцентричным, но другим) являются приятные ощущения, которые испытывает человек, воспринимая данную температуру. Приятные ощущения связываются с прилагательным *varm*, а всё, что выше этой температуры, — с прилагательным *het*. Поэтому чай (не обжигающий), вода из крана, батарея отопления и т. п. характеризуются в шведском именно как *varm*, и только утюг, горячая картошка, раскаленный уголь и прочие действительно горячие вещи будут описываться как *het*. Определяя таким

⁸ Особого разговора заслуживает прилагательное *жаркий*, семантика которого разбирается в [Копчевская-Тамм, Рахилина 1999] (см. подробнее также [Рахилина 1999; 2000]): значение этого прилагательного связано с нетактильным восприятием высоких температур. *Жаркий* не имеет коррелята в шведском и не меняет общей контрастивной картины, так что, несколько упрощая дело, мы не будем здесь его учитывать.

⁹ В случае с прилагательными речь идет исключительно об атрибутивных конструкциях, т. е. о препозитивном употреблении прилагательного; для постпозиции (предикативных употреблений) действуют другие правила. Подробнее о семантике атрибутивных и предикативных конструкций см. [Рахилина 2000].

образом порог между теплым и горячим, шведская система устанавливает его значительно выше, чем это делает русское условие «тактильности».

Понятно, что выделенные в русской и шведской температурных зонах параметры не удовлетворяют условию атомарности: с логической точки зрения они могут легко быть расчленены на более дробные единицы — например, легко себе представить толкование идеи тактильности, предполагающей соприкосновение двух объектов, один из которых — поверхность человеческого тела. С другой стороны, эти (и другие подобные им) параметры легко можно положить в основу будущей лексико-типологической анкеты по температурным значениям, противопоставив разные типы ситуаций — или, как говорит Филлмор, простейшие фреймы, которые, теоретически, могут в языках выражаться разными лексемами и разными конструкциями.

Хочется надеяться, что приведенные примеры продемонстрировали лингвистическую содержательность задачи лексико-типологического описания — но они не могут доказать, что такая задача выполнима: ведь в обоих случаях речь шла только о сравнении пар языков, и даже такое сопоставительное описание потребовало значительной по времени и объему исследовательской работы. Теперь мы переходим к доказательству — рассказу о результатах уникального лексико-типологического эксперимента, сопоставляющего лексику движения в воде более чем в 30 языках мира.

Л и т е р а т у р а

- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М.: Наука, 1974 (2-е изд. М., 1995).
- Апресян Ю. Д. Лексикографический портрет глагола *выйти* // Апресян Ю. Д. Избранные труды, т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1990 / 1995. С. 485—502.
- Апресян Ю. Д. Лексикографические портреты: на примере глагола *быть* // Апресян Ю. Д. Избранные труды, т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1992 / 1995. С. 503—537.
- Апресян Ю. Д. О языке толкований и семантических примитивах // Апресян Ю. Д. Избранные труды, т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1994 / 1995. С. 466—484.
- Апресян Ю. Д. *Хотеть* и его синонимы: заметки о словах // Апресян Ю. Д. Избранные труды, т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 434—452.
- Апресян Ю. Д. (ред.). Англо-русский синонимический словарь. М.: Русский язык, 1979.
- Виноградов В. В. История слов. М.: Азъ, 1999.
- Гак В. Г. Беседы о французском слове. М.: Просвещение, 1966.
- Гак В. Г. Русский язык в сопоставлении с французским. М.: Просвещение, 1988.
- Ганенков Д. С. Контактные локализации в нахско-дагестанских языках // Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 100—116.
- Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М., 1996.
- Дюрович Л. Соблазн родства (о значении лексем в родственных языках) // Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. (ред.). Слово в тексте и в словаре: Сб. статей к семидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 77—81.

- Зализняк, Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии // Вопросы языкознания. 2001. № 2.
- Зализняк, Анна А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Кибрик А. Е. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. II: Таксономическая грамматика. М.: МГУ, 1977.
- Кибрик А. Е. Родственные языки как объект типологии // Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб: Алетейя, 2003. С. 191—195.
- Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: УРСС, 2000.
- Копчевская-Тамм М., Рахилина Е. В. С самыми теплыми чувствами (по горячим следам Стокгольмской экспедиции) // Тестелец Я. Г., Рахилина Е. В. (ред.). Типология и теория языка: От описания к объяснению. Сб. к 60-летию А. Е. Кибрика. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 462—487.
- Кронгауз М. А. Семантика. М.: РГГУ, 2001.
- Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение / Пер. с англ. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Лемменс М., Рахилина Е. В. Русистика и типология: лексическая семантика глаголов со значением 'сидеть' в русском и нидерландском // Russian Linguistics. 2003. 27.3. С. 313—328.
- Майсак Т. А. Грамматикализация глаголов движения: опыт типологии // Вопросы языкознания. 2000. № 1. С. 10—32.
- Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.
- Недялков В. П. (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983.
- НОСС: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. / Под общим рук. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Плунгян В. А. Вид и типология глагольных систем // Черткова М. Ю. (ред.). Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 1. М.: МГУ, 1997. С. 173—190.
- Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. М.: УРСС, 2000.
- Плунгян В. А. К семантике русского локатива («второго предложного» падежа) // Семиотика и информатика. 2002. Вып. 37. С. 229—254.
- Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Рец. на кн.: Goddard, C.; Wierzbicka, A. (eds.). Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings. Amsterdam: Benjamins, 1994 // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 139—143.
- Рахилина Е. В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. 1998. С. 274—323.
- Рахилина Е. В. Семантика русских «позиционных» предикатов: *стоять*, *лежать*, *сидеть* и *висеть* // Вопросы языкознания. 1998. № 6. С. 69—80.
- Рахилина Е. В. «Холодно–горячо»: русские температурные прилагательные // Научно-техническая информация, сер. 2. 1999. № 11. С. 23—30.
- Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000.
- Рахилина Е. В., Прокофьева И. А. Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения // Вопросы языкознания. 2004. № 1. С. 60—78.
- Тестелец Я. Г. Некоторые вопросы типологии систем пространственного склонения в дагестанских языках. Дипломная работа. М., МГУ, 1980.
- Фрумкина Р. М. Категоризация и пластичность познавательной деятельности // Научно-техническая информация, сер. 2. 1997. № 12. С. 1—4.

- Холодович А. А. (ред.). Типология каузативных конструкций: Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969.
- Храковский В. С. (ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992.
- Чвани К. В. Вид как часть универсального набора семантических признаков // Чертова М. Ю. (ред.). Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 490—497.
- Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Atkins, Sue; Fillmore, Charles. Describing polysemy: the case of *crawl* // Ravin, Yael; Leacock, Claudia (eds.). Polysemy: Linguistic and computational approaches. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Berlin, Brent; Kay, Paul. Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley: University of California Press, 1969.
- Blank, Andreas. Prinzipien des Bedeutungswandels am Beispiel der romanischen Sprachen. Tübingen: Niemeyer, 1997.
- Botne, Robert. *To die* across languages: Toward a typology of achievement verbs // Linguistic typology. 2003. 7.2. P. 233—278.
- Bowerman, Melissa; Choi S. Space under construction: language-specific spatial categorization in first language acquisition // Gentner D., Goldin-Meadow S. (eds.). Language in Mind: Advances in the Study of Language and Thought. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2003. P. 387—427.
- Bowerman, Melissa et al. Event representation // Max Planck Institute for Psycholinguistics: Annual Report 2004. Nijmegen, 2004. P. 87—104.
- Bybee, Joan L. Morphology: A study of the relation between meaning and form. Amsterdam: Benjamins, 1985.
- Bybee, Joan L.; Dahl, Östen. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // Studies in language. 1989. 13.1. P. 51—103.
- Croft, William. Radical construction grammar: syntactic theory in typological perspective. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Dahl, Östen. Tense and aspect systems. Oxford: Blackwell, 1985.
- Di Sciullo, Anna-Maria; Williams, Edwin. On the definition of words. Cambridge, Mass.: MIT, 1987.
- Dixon R. M. W. Where have all the adjectives gone? // Where have all the adjectives gone? and other essays in semantics and syntax. Berlin: Mouton, 1982.
- Fillmore, Charles J.; Kay, Paul. Construction grammar course book. Berkeley: University of California, 1992.
- Givón, Talmy. Syntax: a functional-typological introduction. Vol. 1—2. Amsterdam: Benjamins, 2001.
- Goddard, Cliff. Lexico-semantic universals: a critical overview // Linguistic typology. 2001. 5.1. P. 1—66.
- Goddard, Cliff; Wierzbicka, Anna. Semantic primes and universal grammar // Goddard C., Wierzbicka A. (eds.). Meaning and Universal Grammar: Theory and empirical findings. Vol. I. Amsterdam: Benjamins, 2002. P. 41—85.
- Hardin C. L. Maffi, Luissa (eds.). Color categories in thought and language. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Harkins, John; Wierzbicka, Anna (eds.). Emotions in crosslinguistic perspective. Berlin: de Gruyter, 2001.
- Heine, Bernd; Kuteva, Tania. World lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

- Hjelmslev, Louis. Dans quelle mesure les significations des mots peuvent-elles être considérées comme formant une structure ? // Reports for the 8th International Congress of Linguists, II. Oslo: Oslo University Press, 1957. P. 277—288. [русс. пер.: Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру // Новое в лингвистике. Вып. 2. М.: ИЛ, 1962. С. 117—136].
- Kibrik, A. E. Does intragenetic typology make sense? // Boeder, W. et al. (eds.). Sprache im Raum und Zeit: in memoriam Johannes Bechert. Bd. 2: Beiträge zur empirischen Sprachwissenschaft. Tübingen: Narr, 1998.
- Koch, Peter. Lexical typology from a cognitive and linguistic point of view // Haspelmath, M. et al. (eds.). Language Typology and Language Universals: An International Handbook. Berlin: de Gruyter, 2001. P. 1142—1178.
- Lakoff, George. Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago: University of Chicago, 1987.
- Lander, Yury. How to do things with primes. Review of Goddard, C.; Wierzbicka, A. (eds.), Meaning and Universal Grammar, vol. I—II // Studies in Language. 2005. 29.2. P. 463—476.
- Lehmann, Christian. Towards lexical typology // Croft, W. et al. (eds.). Studies in typology and diachrony: Papers presented to Joseph H. Greenberg on his 75th birthday. Amsterdam: Benjamins, 1990. P. 161—185.
- Lemmens, Maarten. The semantic network of Dutch posture verbs // J. Newman (ed.) 2002. P. 103—139.
- MacLaury, Robert. Color and cognition in Mesoamerica: Constructing categories as vantages. Austin: University of Texas Press, 1997.
- Newman, John. (ed.). The linguistics of giving. Amsterdam: Benjamins, 1997.
- Newman, John. (ed.). The linguistics of sitting, standing and lying. Amsterdam: Benjamins, 2002.
- Plank, Frans. Delocutive verbs, crosslinguistically // Linguistic typology. 2005. Vol. 9. № 3.
- Talmy, Leonard. Semantics and syntax of motion // Syntax and Semantics. Vol. 4. New York: Academic Press, 1975. P. 181—238.
- Talmy, Leonard. The relation of grammar to cognition // Talmy L. Toward a cognitive semantics. Vol. 1. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000a. P. 21—96.
- Talmy, Leonard. Lexicalization patterns; Surveying lexicalization patterns // Talmy L. Toward a cognitive semantics. Vol. 2. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000b. P. 21—120.
- Viberg, Åke. The verbs of perception: a typological study // Linguistics. 1984. 21. P. 123—162.
- Viberg, Åke. Crosslinguistic perspectives on lexical organization and lexical progression // Hyltenstam, K.; Viberg, Å. (eds.). Progression and regression in language. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 340—385.
- Viberg, Åke. The verbs of perception // Haspelmath, M. et al. (eds.). Language typology and language universals: an international handbook. Berlin: de Gruyter, 2001.
- Wierzbicka, Anna. Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction. Berlin: de Gruyter, 1991.
- Wierzbicka, Anna. Semantics, culture and cognition: universal human concepts in culture-specific configurations. New York: Oxford University Press, 1992.